

**РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ О СОБЫТИЯХ 1945–1949 ГОДОВ В ЕВРОПЕ
И РОССИИ (ИЗ ПИСЕМ Н.А. БЕРБЕРОВОЙ, Е.А. ИЗВОЛЬСКОЙ И
Е.Д. КУСКОВОЙ К А.Ф. КЕРЕНСКОМУ)**

О.Г. Леонтьева

В статье излагаются результаты исследований архивных материалов личного фонда Александра Фёдоровича Керенского (Центр гуманитарных исследований Техасского университета в г. Остине, США) – переписки с известными русскими писателями, поэтами, политическими деятелями, эмигрировавшими из Советской России (В.А. Маклаковым, С.П. Мельгуновым, М.А. Алдановым (Ландау), Н.Н. Берберовой, В.М. Зензиновым, Е.А. Извольской, Е.Д. Кусковой). Письма военного и довоенного периодов посвящены проблемам организации политических движений в среде «новой» («новой волны») и «старой» эмиграции для борьбы с коммунизмом, большевизмом и Советами. В них отражены мнения о Второй мировой войне, послевоенном политическом устройстве в мире, политическом положении в Советском Союзе и иных политических событиях и фактах, сложившиеся эмигрантской среде

Ключевые слова: А.Ф. Керенский, переписка А.Ф. Керенского, русская эмиграция, Вторая мировая война, переписка русских эмигрантов, эмигрантские организации в Европе и Соединённых Штатах

Письма Н.Н. Берберовой и Е.Д. Кусковой сохранились среди документов, которые А.Ф. Керенский в 1968 г. передал на хранение в Центр гуманитарных исследований Техасского государственного университета в г. Остине (США). Центр гуманитарных исследований Хэрри Рэнсома (Harry Ransom Humanity Research Center) – один из крупнейших архивов Техаса, а возможно, и Соединённых Штатов. Основной функцией архива является сбор документов личного происхождения. Бюджет центра (около 15 миллионов долларов в год) позволяет приобретать документы и книги не только в Соединённых Штатах, но и за их пределами. Главным образом это коллекции документов, поступивших от писателей, художников, музыкантов, архитекторов, артистов, имеющих мировую известность.

Политика комплектования Центра обусловлена верой в то, что неопубликованные материалы (записи, дневники, письма, черновики) позволят учёным лучше понять творческий процесс художников, писателей и других творческих личностей. Они имеют возможность проводить исследования в различных областях гуманитарных знаний: от английской драматической поэзии XVII в. до работ современных африканских новеллистов, от современных французских музыкальных композиций – до итальянской поэзии XIII в.

Официальная история Центра начинается в 1957 г., когда вице-президент Техасского университета и Хэрри Хант Рэнсом основал Центр для гуманитарных исследований в Техасском университете в г. Остине. В действительности история

Центра началась гораздо раньше, за 60 лет до этого события, когда Техасский университет получил несколько крупных частных библиотек в подарок. Эти библиотечные фонды и составили базу того, что впоследствии стало Центром гуманитарных исследований. Помимо книг Хэрри Х. Рэнсом положил начало широкому сбору документов в гуманитарной области в целом.

Архив принимает на хранение не только документы, но и работы фондообразователей. В настоящее время Центр гуманитарных исследований имеет прекрасные коллекции документов по культуре Соединённых Штатов, Великобритании, Франции, Мексики, других европейских и южноамериканских государств. Коллекции Центра насчитывают около 30 миллионов рукописей, более миллиона редких книг (в том числе приобретенную в 1978 г. Библию, отпечатанную Гутенбергом), пять миллионов фотографий, три тысячи исторических фотографий, 100 тысяч художественных работ (картины, скульптуры)¹.

В основном собрание Центра гуманитарных исследований составляют многочисленные документальные коллекции по культуре и истории США: коллекция книг Марка Твена, документы Джеймса Джонса, Т. С. Элиота, Юджина О'Нила, Артура Миллера, архивы Эрнеста Хемингуэя, Дэвида Дункана и др.

Достаточно широко представлены в Центре документы по истории и культуре Великобритании (коллекция первопечатных книг королевы Анны, речи короля Чарльза I, 1600–1648 гг., рукописи Оскара Уальда и пр.), Франции (работы Вольтера, изданные в XVIII в., коллекция писем Наполеона Бонапарта, рисунки Поля Ренуара, документы семьи графов Тулуз-Лотреков и пр.), Мексики (письма императора Мексики Фердинанда Максимилиана 1832–1867 гг.), Италии (коллекция документов семьи Медичи 1500–1800 гг., архив Артура Левингстона 1885–1944 гг.), Испании (работы Хосе Антонио Примо де Ривера 1903–1936 гг., тексты речей Франсиско Франко, документы о гражданской войне в Испании)².

Собраны в Центре гуманитарных исследований и документы по российской истории и культуре. В первую очередь это фонд А.Ф. Керенского, который включает документы партии социалистов-революционеров (эсеров), многочисленные письма, рукописи, дневники, вырезки, семейную переписку, фотографии³.

Документы о России содержит фонд Джорджа Натаниэля Нэша, офицера британской армии, находившего в России в период русской революции в 1917–1919 гг. и ведшего дневник. Впоследствии Нэш озаглавил свои записи «Из дворца в тюрьму». События революции 1917 г. нашли отражение также в письмах (1917–1920 гг.) американского военного атташе в Петрограде Вальтера С. Кросли, адресованных семье в Нью-Йорк, письма содержат детали повседневной жизни Петрограда 1917–1920 гг.⁴

Среди коллекций Центра сохранились документы Александра Бенуа, Сергея Судейкина, Дягилевского русского балета, в том числе эскизы костюмов, выполненные Леоном Бакстом для спектакля «Нарцисс», дневники Николая Пунина, рукописи партитур Игоря Стравинского, переписка композитора Николая Набокова

¹ Harry Ransom Humanities Research Center. Guide to the Collections (далее – HRHRC) / Ed. Margaret J. Barker. Austin: the Harry Ransom Center, the University of Texas at Austin, 2003.

² HRHRC. Guide to the Collections.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же.

(1903–1978 гг.). К этому можно прибавить первые издания повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и романа «Петербург» А. Белого⁵.

В Центре гуманитарных исследований хранятся письма семьи Пуятинных за 1890–1910 гг. (письма относятся к периоду переезда семьи из России в Великобританию)⁶.

Особый интерес представляют фотографии событий Крымской войны Роджера Фентона, фотографии и стереографии военных действий времен русско-японской войны, а также около 15 000 книг, памфлетов и газетных публикаций по Балканской теме⁷.

Архив А.Ф. Керенского составляет основу российской коллекции Центра гуманитарных исследований⁸. Фонд включает 258 дел (66 коробок), содержащих весьма разнообразные документы за 1917–1969 гг.

Большая часть фонда состоит из писем⁹, в основном частных писем русских эмигрантов. Среди многочисленных корреспондентов А.Ф. Керенского выделяется группа постоянных авторов, чьи письма поступали Александру Фёдоровичу регулярно на протяжении всей его жизни. Таких корреспондентов – 28 человек; это – писатель Марк Алданов (Ландау), переводчик и писатель Нина Берберова, публицист Екатерина Кускова (Прокопович), журналисты Юрий Елагин, Елена Извольская, Александр Коновалов, Михаил Тер-Погосьян, Владимир Зензинов и др. Их письма собраны в отдельные файлы и представляют самостоятельные комплексы документальных свидетельств о событиях 1930–1950 гг. в Европе и Америке¹⁰.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживают письма Н.Н. Берберовой и Е.Д. Кусковой, поскольку они не только содержат характеристику политических событий, происходивших в Европе после Второй мировой войны, но и наполнены информацией о повседневности, быте и личных переживаниях. Эти письма – эмоциональны, откровенны, глубоко индивидуальны. Их авторы по-разному оценивали и военные события, и послевоенную ситуацию в мире, что указывает на неоднозначность восприятия современниками происходящих в «новом» послевоенном мире событий. Из всей обширной переписки выбран период 1944–1949 гг., поскольку это самый продуктивный по количеству писем период и самое динамичное время в развитии отношений Советский Союз – Запад: от горячего партнерства – к «холодной войне». Русская политическая эмиграция не могла отстраниться от общемировых событий, которые наложили свой отпечаток на её взгляды, идеи и даже быт.

Письма Екатерины Дмитриевны Кусковой¹¹ охватывают период с 1946 по 1958 г., в фонде сохранились два письма, датированных 1939 г., но во время войны переписка прервалась и восстановилась в 1946 г. Наиболее активный период приходится на 1946–1949 гг.: в это время А.Ф. Керенский получил из Женевы от

⁵ HRHRC. Guide to the Collections. С. 93, 99.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Там же.

⁸ *Быкова. Л.А.* Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3.

⁹ *Леонтьева. О.Г.* Письма русских эмигрантов А.Ф. Керенскому в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2009. № 1.

¹⁰ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Files 105 – 133.

¹¹ Письма приходили А.Ф. Керенскому из Швейцарии, Женевы.

Е.Д. Кусковой 24 письма из 41 сохранившегося в фонде. Переписка завершилась со смертью Е.Д. Кусковой, последнее ее письмо датировано ноябрём 1958 г.¹²

Тематика писем сводится к двум основным темам – задачи русской эмиграции после Второй мировой войны и положение в Советской России; все остальные описываемые или обсуждаемые факты и события (усиление влияния православной церкви в России, парламентские выборы во Франции с возможным приходом к власти М. Тореза, восстановление Германии, запрещение в Париже панихиды по генералу Власову и др.) неразрывно связаны с этими двумя темами.

Е.Д. Кускова страстно желала объединения эмигрантских сил, идейно-политического, литературно-публицистского, организационного объединения в противостоянии большевизму и коммунизму. «Мы прямо стоим за собирание рассыпанной демократической храмины», – писала она в письме от 25 июня 1948 г.¹³ А чуть позже с горечью спрашивала: «Почему Гуль отдельно, Мельгунов отдельно? Да, мы что-то стряпаем, тоже отдельно. А вместе – нет, стульев не хватает. Смотрим всю эту возню, без тактики и действий, как бывало в нашем революционном прошлом, и видим, ясно видим, как посмеивается старый Сталин»¹⁴. Считала, что все пропадает в пустых разговорах: «И всё пустое, никого и куда не подвигает. А болтовня!! С утра и до поздней ночи... Люди обалдевают от этой абсолютной, какой-то роковой бесплодности»¹⁵. Полагала необходимым создать единую эмигрантскую газету, которая преодолет тот хаос в эмигрантской прессе, особенно во Франции, который возник после завершения войны¹⁶.

В письмах Е.Д. Кускова не сформулировала ни задач, ни тезисов для действий русской эмиграции в отношении России, единственный призыв, который звучит в ее письмах, – это призыв к объединению эмигрантских сил. Хотя, вероятно, она уже полагала, что в послевоенном мире для прежней русской политической эмиграции места нет. «Меня до глубины души возмущает претензия разделенной, несчастной, обедневшей силами и средствами эмиграции что-то объяснить народу. Да ведь этот народ лучше нас с Вами теперь понимает – что с ним делают. Не знает он – как и Вы, как и мы – как избавиться от насилия над ним»,¹⁷ – писала Екатерина Дмитриевна А.Ф. Керенскому.

В письмах Екатерины Дмитриевны встречается много имён, даются и некоторые характеристики. Например, в 1947 г. она писала о В.А. Маклакове: «Это – человек конченый ...»¹⁸. Причиной такого отношения было «объявление» В.А. Маклаковым политического нейтралитета, которое он продемонстрировал посещением советского посольства в Париже, что вызвало волну возмущения у части эмигрантов во Франции и особенно в США. И в то же время она оставляла за каждым право на свободный выбор собственной позиции, отрицая всякую возможность силового влияния на мнение оппонентов. Е.Д. Кускова была одной из немногих,

¹² HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 8 ноября 1958.

¹³ Там же. Письмо от 25 июня 1948 г.

¹⁴ Там же. Письмо от 16 января 1949 г.

¹⁵ Там же. Письмо от 27 августа 1947 г.

¹⁶ Там же. Письмо от 8 ноября 1949 г.

¹⁷ Там же. Письмо от 2 ноября 1946 г.

¹⁸ Там же. Письмо от 27 августа 1947 г.

кого возмутило решение Толстовского фонда¹⁹ о прекращении материальной помощи И.А. Бунину в связи с его выходом из Союза писателей, основанном русскими писателями – эмигрантами во Франции: «Если эти люди победят, от Москвы до Эльбруса будут стоять виселицы за коммунизм или за сочувствие ему. Такова, очевидно, русская натура. Большевики не дают Франции хлеба за то, что она против коммунистов, а Мар. Сам. (так указано в тексте письма, без пояснений. – О.Л.) лишает Бунина помощи, потому что он не захотел остаться в Союзе со Шмелевым и Ниночкой Берберовой. До чего дойдет эта тяга к “репрессиям”?»²⁰. И далее в этом же письме от 17 января 1947 г. Екатерина Дмитриевна писала: «Какие-то хозяева и хозяйки отстраняют ... от чего?! От помощи... Кого? Абсолютно нищих в голодной Европе, во Франции в особенности. За что? За свое собственное мнение. Свобода? Да полноте, пожалуйста, о свободе эти люди понятия не имеют. Воспитаны в русских партийных курилках и думают, что они в 1917 г. знали, что такое свобода. Федотов²¹ вот знал, как надо призывать иностранцев народ русский бить. А сам он будет сидеть в Бостоне и читать богоспасительные лекции о ... морали!!! Остальные будут смущаться и молчать»²².

Одновременно Е.Д. Кускову очень беспокоило распространение коммунистических идей, в том числе на Китай, а также возможность перенесения этих идей в Индонезию: «... активность поразительная и заслуживающая анализа и понимания всей этой жуткой, но действительно революционной активности»²³.

Во многих письмах к А.Ф. Керенскому звучит осуждение позиции европейских государств и Соединённых Штатов из-за опасения того, что внутренняя и внешняя политика «буржуазных демократий» приведет к победе коммунистических режимов во всех странах Европы. В письме от 25 июня 1948 г. Екатерина Дмитриевна писала: «Как при таких роковых ошибках демократий, при их неспособности понять то новое, что вышло в мир, удивляться расширению влияния Кремля? Там – жестокая и подлая диктатура внутри сопровождается весьма ловкой политикой вовне и, главное, быстротой реакции на всё, что их может затронуть. А демократии жуют план Маршала, рвут от него кусочки, чтобы только “помощь” была не очень щедрой»²⁴. Во многих письмах она указывала на то, что внешняя политика Советского Союза только критикуется, но ничего ей не противопоставляется действительно. И, обсуждая возможность приезда А.Ф. Керенского в Европу, писала: «Европу Вам все же, так или иначе, следовало бы посмотреть. Убедились бы, что не одна Россия виновата в ее падении. Один Бенеш чего стоит»²⁵.

Во всех письмах Е.Д. Кускова рассуждает о тяжелом материальном положении русских эмигрантов первой волны и пытается оказать им не только духовную,

¹⁹ Tolstoy Foundation, INC For Russian Welfare and Culture. Почётный председатель – Г. Гувер, президент – Александра Львовна Толстая, вице-президенты – графиня Софья Панина, Сергей Рахманинов, доктор Э. Колтон, мистер К. Митчел.

²⁰ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 17 января 1948 г.

²¹ Г.П. Федотов, историк и публицист, работал в Соединённых Штатах.

²² HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 17 января 1948 г.

²³ Там же. Письмо от 16 января 1949 г.

²⁴ Там же. Письмо от 25 июня 1948 г.

²⁵ Там же. Письмо от 27 августа 1947 г. Многие русские эмигранты во Франции видели вину президента Бенеша в многочисленных арестах русских эмигрантов, проведенных советскими оккупационными властями в Чехии в 1945–1946 гг.

но и материальную поддержку. Часто звучат просьбы помочь тем или иным общим знакомым. В письме от 29 января 1947 г. Екатерина Дмитриевна пишет об ужасно холодной и голодной зиме в Швейцарии и Германии. В том же 1947 г. она сообщала: «... Бунин, Тэффи и Роговский совсем больны, и все трое уехали в Jnanles-Pins, где устроен русский дом (3000 fr. в месяц) с доктором Беляковым во главе. Там же находится Расс ...»²⁶.

Особое место занимает в письмах Е.Д. Кусковой описание положения русских эмигрантов, оказавшихся на территории европейских государств, занятых советскими войсками. В письме к В.М. Зензинову, переданном последним А.Ф. Керенскому, она писала о событиях в Чехии после ввода советских войск, отмечая тяжелое положение русских эмигрантов. В частности, сообщала, что многие были арестованы и отправлены в Россию, где осуждены за антисоветскую деятельность и приговорены к 5 годам лагерей или к 10 годам без права переписки. По свидетельству Е.Д. Кусковой всем арестованным, которые в большинстве были антифашистами, было за 60 лет. Среди них – «Николаев, Нестеров, Климушкин, профессор Славинский, профессор Бем, князь Долгорукий (81 год)»²⁷.

К этому же письму В.М. Зензинову приложено письмо Екатерины Дмитриевны (без даты), адресованное Леону Блону: «Неслыханное дело произошло с нами. Никогда, нигде не было того, чтобы были выданы политические эмигранты в таком количестве их врагам, как это случилось с чешскими эмигрантами. Нигде не было в истории цивилизованных стран, чтобы хватались на улицах Европы и увозились мужья, отцы и сыновья сотен женщин, которые остались без всяких средств к существованию. Жены, старые, молодые, беременные и душевно больные, остались в чужой стране, и нет им защиты и нет до них никому никакого дела. ...Все эмигранты, получившие лагерь за прошлое, которое имеет свыше 20-ти летнюю давность, не имеют право писать за границу»²⁸.

И все же, несмотря на непримиримую позицию по отношению к большевизму, «советчине», политическому руководству Советского Союза, оценка Е.Д. Кусковой роли России в послевоенном мире была далеко не однозначна. Следует заметить, что она никогда, ни в какой период не была сторонницей или, точнее, «поклонницей» Кремля, достаточно жестко характеризуя советский режим, но и к свержению сталинского режима любой ценой Е.Д. Кускова никогда не призывала, отмечая право России отстаивать свою независимость. В одном из писем Екатерина Дмитриевна изложила свое «сredo»: «До сих пор исповедуемая мною тактика: 1) не гнать советских людей только за то, что они советские люди, 2) совершать такие действия, которые обнаруживали бы на деле наши принципы, и только на деле обнаруживать расхождения людей, а не ставить на них марки «подлец» ante-factum. Post-factum сколько угодно. Ante – никогда»²⁹.

Е.Д. Кускова не разделяла мнения А.Ф. Керенского и многих других эмигрантов о том, что «народ – это одно, а прав[ительство] – другое»³⁰, вполне обоснованно уверяя, что «коммунистическое движение – это болезнь самого народа, а не только вождей (“меньшинства”), как уверяют»³¹. Именно поэтому Екатерина

²⁶ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 1 марта 1947 г.

²⁷ Там же. Письмо от 11 октября 1946 г.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Письмо от 6 августа 1947 г. Подчеркивания в письме сделаны Е.Д. Кусковой.

³⁰ Там же. Письмо от 25 июня 1948 г.

³¹ Там же. Письмо от 25 июня 1948 г.

Дмитриевна отвергала возможность привлечения иностранных государств для борьбы с советским режимом. Она пробовала взглянуть на вопрос международных отношений с Россией и с точки зрения людей, живущих в России. В письме от 17 октября 1946 г. она вновь, в противовес многим и многим, пишет о невозможности для русского, даже советского народа принять иностранные идеи, тем более навязанные силой. Она полностью разделяла мнение Н.А. Бердяева и его теорию о том, что концентрация сил на Западе против России вызовет концентрацию сил в России вокруг власти. Как отмечала Е.Д. Кускова, Красная армия в 1946 г. была горда победой и при малейшей внешней угрозе готова была дать отпор. Это положение, по мнению Е.Д. Кусковой, на Западе не учитывалось, она считала, что народ предпочтет поддержать власть, «ибо боязнь “международных бандитов” после Гитлера в России очень сильна»³².

Характеризуя послевоенное политическое устройство мира и место в нем России, Екатерина Дмитриевна замечала: «Вы там, в Америке, все говорите о старой цели: социальной революции. У меня оттенок другой. Это – только старая форма, старое оружие старой гражданской войны. Но идейная цель – другая. Теперь это – не утопия. Это – наступление на Европу (и Азию) чисто практического (не утопического) характера. Это – начавшаяся война с Америкой за влияние»³³.

В письмах к А.Ф. Керенскому Е.Д. Кускова писала о заочных спорах с Б.Н. Николаевым и М.В. Вишняковым, чья пропаганда рассчитана только на «западного человека»³⁴. Особо она отмечала агрессивные статьи Г.П. Федотова. Ссылаясь на Н.А. Бердяева, который считал, что рефрен статей Г.П. Федотова – «дайте атомную бомбу»³⁵ – приводит к обратной реакции в России: «... власть наша мерзкая, но иностранцы пусть не лезут»³⁶, Е.Д. Кускова пыталась доказать, что так рассуждают не только коммунисты, но и люди, не разделяющие их взгляды. Не поддерживала Екатерина Дмитриевна и мнения о том, что во всем виновата Россия, задавая себе и А.Ф. Керенскому вопрос: «А что другие страны?» и отвечая на него: «... овечки с атомными бомбами?! Подумайте Александр Федорович, до чего это несправедливо!»³⁷ И продолжая тему России, Е.Д. Кускова писала: «Что вообще сделалось с нашими социалистами? И что они сделают из России, если б им снова досталась власть? Колонию американского капитала? Но тогда пусть правит грузинский осел. И в этом – моё викжельство. Я вижу, ясно вижу дичайшую борьбу доллара за господство над миром. И вижу мою нищую, но богатую в потенции страну, которая этому сопротивляется. Сопротивляется иногда глупо, иногда подло для интересов населения, но – сопротивляется. Возможно, что в этой борьбе она будет побита. Радость? Нет. Только передышка, ибо борьба возродится снова»³⁸.

Екатерина Дмитриевна писала о необходимости хотя бы отдаленного понимания той катастрофы, в которой живет Россия: «Эту страну грязную, в лохмотьях, в душевных конвульсиях, в желании утвердить себя хотя бы фиктивно, я бить не со-

³² HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 17 октября 1946 г.

³³ Там же. Письмо от 7 декабря 1947 г.

³⁴ Там же. Письмо от 17 октября 1946 г.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Письмо от 17 октября 1946 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Письмо от 22 мая 1947 г.

гласна»³⁹. И далее продолжала: «Катастрофа – много глубже, и она еще до своей полной глубины не дошла. Но для меня незыблем тезис: без России никакого мира сделать нельзя. А как ее притянуть к достойному поведению, никто не знает»⁴⁰.

Хотя в отношении самосознания и самоосознания русского народа Екатерина Дмитриевна вряд ли обольщалась, но спасение России она видела в русском народе: «... ведь ясно же: не иностранцы, как думают гг. Рысковы, спасут Россию. Этот слоган у нас останется незыблемым: только сам русский народ. А это будет не скоро: чтобы “рабочему” и “крестьянину” дойти до интеллигента нашего освободительного движения, нужны еще десятилетия и практика жизни внутри страны»⁴¹.

Письма Е.Д. Кусковой позволяют осознать то смятение, которое царило среди русской европейской эмиграции после окончания Второй мировой войны. Русские эмигранты «первой волны» выступали против нацизма, некоторые признали Советский Союз и после войны приняли советское гражданство, но повальные аресты в эмигрантской среде, произведенные советскими властными структурами, жесткая политика Советского Союза в отношении инакомыслящих привели сначала к недоумению, а потом возмущению действиями советской власти. В глазах западного человека Советский Союз из страны – освободительницы превращался в «колоть зла и угрозы», и это превращение произошло стремительно, в течение каких-то 5 лет. О политической поддержке Кремля не могло быть и речи. Но и действия европейских государств не вызывали однозначного восприятия: многие эмигранты были помещены в лагеря для перемещенных лиц или выданы советским властям. Наиболее активная, молодая часть эмигрантов стремилась покинуть Европу и обосноваться в Соединённых Штатах. «Новая» эмиграция («невозвращенцы»)⁴² была не понятна и даже чужда: «А что они сами-то несут с собой после 30-летней поддержки ленинизма? ... Почему Вы не устроите там собрание и не объясните им, что они здесь продолжают политику большевиков? Ведь и те объята презрением “к звездам”, ко всякому интеллигенту, который жизнь свою посвятил идее, духу»⁴³. Наконец, тяжелое материальное положение, утрата не только душевных, но и физических сил во время войны тяжелым бременем лежали на людях, покинувших Россию, но не обретших новой родины. Разрозненная ослабленная русская эмиграция медленно и тяжело осваивала новый мир, новые взаимоотношения, и это отражается во всех письмах Е.Д. Кусковой. По её мнению будущее было слишком пессимистичным.

Нина Николаевна Берберова, как и Е.Д. Кускова, была в числе постоянных и активных корреспондентов А.Ф. Керенского; в 1940-е гг. она регулярно присылала письма из Франции, но и позже, переехав в Соединённые Штаты, продолжала переписку с Александром Фёдоровичем. В фонде А.Ф. Керенского сохранилось 81 письмо Н.Н. Берберовой за 1944–1965 гг., но в комплексе писем имеется небольшой пропуск: с мая 1952 по май 1953 г. письма отсутствуют. Письма Н.Н. Берберовой интересны в первую очередь тем, что они по характеру и содержанию отли-

³⁹ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 6 августа 1947 г.

⁴⁰ Там же. Письмо от 7 декабря 1947 г.

⁴¹ Там же. Письмо от 6 августа 1947 г.

⁴² «Невозвращенцы» – граждане Советского Союза насильственно перемещенные немецко-фашистскими властями на территорию Третьего рейха (военнопленные, занятые на принудительных работах и пр.) и отказавшиеся вернуться в Советский Союз после окончания войны.

⁴³ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 59. File 217. Письмо от 20 сентября 1947 г.

чаются от писем других корреспондентов А.Ф. Керенского: Н.Н. Берберова в категорической форме не принимала «Советы», она принадлежала к той части русской эмиграции, которая выступала за насильственное и скорейшее свержение советской власти в России, вплоть до призывов развязать против нее ядерную войну. В письмах Нины Николаевны много места уделяется характеристике событий в послевоенной Европе, описанию послевоенного Парижа и европейской эмигрантской среды, а также содержатся многочисленные «бытовые зарисовки» из собственной жизни. Можно сказать, что все письма Н.Н. Берберовой описывают её саму в различных ситуациях: Франция, эмиграция, Россия служат декорациями для моноспектакля с главной героиней – Н.Н. Берберовой, возможно, по этой причине все характеристики событий и описания фактов носят яркий субъективный характер.

В письмах Н.Н. Берберовой очень ярко и удивительно последовательно проводится мысль о необходимости получения ею въездной визы в Соединённые Штаты, что было затруднено, судя по косвенным свидетельствам, из-за её обвинения в лояльности к немецким властям во время войны. В письме А.Ф. Керенскому от 12 июля 1945 г. Нина Николаевна излагает собственную версию происшедшего в Париже в 1941 г., уверяя Александра Фёдоровича в том, что о ней распространяли слухи и сплетни. Эта версия звучит и в других письмах⁴⁴. В 1946 году она писала А.Ф. Керенскому: «Осталась у меня в душе обида на многих “американцев”, поверивших наветам на меня Полонского, в частности на бывших “друзей”. Но я стараюсь об этом думать как можно меньше. Один факт остается неопровержимым: я до сих пор не получила ни одной посылки, хотя по своим политическим убеждениям, вероятно, гораздо ближе большинству членов комитета⁴⁵ в Нью-Йорке, чем те парижане, которых засыпают посылками. Но и это не беда! Слава Богу, я не голодаю»⁴⁶. И в этом же письме через А.Ф. Керенского обращается к В.М. Зензинову: «Я огорчилась, когда в Вашем последнем письме прочла, что до сих пор какие-то следы “моего недостойного поведения” остались у Вас в памяти ... Я сама призналась в своих заблуждениях 1940 года. Признаю их и теперь заблуждениями, хотя события, вероятно, через год покажут, что я не так уж была неправа...»⁴⁷. Вероятнее всего негативное мнение о Н. Н. Берберовой сложилось среди русской эмиграции в США из-за её неосторожных высказываний на политические темы. В.М. Зензинов, например, считал, что она сама вызвала ажиотаж вокруг своих признаний, в письме к А.Ф. Керенскому он так описал ситуацию: «Она сама о себе сюда [в Соединённые Штаты] глупости написала – вроде того, что сама верила в культурную роль немцев при оккупации Франции с ее прогнившей республикой и пр.», а теперь оправдывается и «продолжает бомбардировать Америку своими письмами...»⁴⁸. «Бомбардировала» Нина Николаевна Америку письмами с одной целью – получить разрешение на въезд в Соединённые Штаты, а для этого необходимы были поручительства американских граждан как финансовые, так и политические. Такое стремление, несомненно, отразилось на

⁴⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письма от 12 июля 1945 г., 11 апреля 1946 г., 9 сентября 1946 г.

⁴⁵ Очевидно, речь идёт о Толстовском комитете (см. выше).

⁴⁶ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 9 сентября 1946 г.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Box 36. File 133. Письмо от 12 июня 1946 г.

оценках, которые Н.Н. Берберова давала событиям в послевоенной Европе и своему положению.

Послевоенная Франция с политической и экономической нестабильностью не вызывала желания оставаться там: «Но что же здесь? О, здесь – восемнадцатый год, только не импровизированный, как у нас, а разыгранный по нотам. Вот уже неделя, кажется, как пал де Голль. Если будет Торез – все ясно. Если будет Эррио – “за что боролись?”. Если будет военная диктатура – конец столетия сорок летней свободной Франции. Положение отчаянное. Есть нечего. Дышать нечем. Будущее страшно. Русская мелкота хочет бежать “куда глаза глядят” – дровосеками в Канаду, землеробами в Парагвай»⁴⁹. И чуть позже, в 1947 г. писала: «Но жизнь здесь ужасна: трудна, сложна, изнурительна. Продовольственное положение с каждой неделей все хуже. За шесть месяцев жизнь подорожала вдвое...»⁵⁰. В отношении собственных планов она еще в 1946 году написала А. Ф. Керенскому: «... Придется мне уехать отсюда. Как страус прячу голову под крыло и не думаю сейчас ни о чем, но гроза, по моему, приближается; новую оккупацию Европы (*речь идет о коммунизме, коммунистических идеях.* – О.Л.) я вынести не смогу, потому что ... она, конечно, будет в тысячу раз страшнее первой. А значит, придется бежать ... Куда? На что? С кем? К кому? Ничего неизвестно. Стараюсь сейчас об этом не думать. Скажу Вам только, что в этой беде я буду одна, т.к. ни на кого не могу рассчитывать»⁵¹.

В отличие от Е.Д. Кусковой Н.Н. Берберова в своих письмах много места отводила рассказам о своём быте, занятиях, творчестве, писала даже об отношениях с мужем: «О том, что я делаю, как и где работаю – сейчас писать не могу. Скажу Вам только, что с середины февраля я, хотя и продолжаю жить с Н[иколаем] под одной крышей, но живу совершенно самостоятельно, то есть на то, что зарабатываю (исключительно литературным трудом и по-французски). Его дела довольно плохи, и я не вижу, почему я должна находиться у него на содержании? Работаю много, иногда до ночи. Кое-что удалось сделать, но жить трудно»⁵². Трудилась Нина Николаевна действительно много. Она писала о том, что работает над переводом на французский язык произведений Ф.М. Достоевского, комментариями к письмам А. С. Пушкина⁵³, часто упоминала свой роман «Чайковский», его публикации во Франции, Швейцарии, Швеции, обсуждала она в письмах к А.Ф. Керенскому и возможность продать кинематографические права на этот роман⁵⁴.

В письме от 11 июня 1946 года Нина Николаевна с восторгом пишет о заказе на написание книги об А. Блоке на французском языке и о своем увлечении работой: «Я пишу прямо по-французски, страшно увлечена»⁵⁵.

Одновременно с литературным творчеством Н.Н. Берберова пыталась заниматься журналистикой, в 1947 г. она подробно пишет о газете «Русская мысль», сотрудничать с которой ей предложили: «Редактор – В. Лазаревский, правая рука его – Зеелер. Сотрудники – не замаравшие себя ни в “Новостях”, ни в “Патриоте”, т.е. Гуль, Зайцев, Газданов, я – писатели, Нольде? Маклаков – для высшей поли-

⁴⁹ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 26 января 1946 г.

⁵⁰ Там же. Письмо от 6 ноября 1947 г.

⁵¹ Там же. Письмо от 11 апреля 1946 г.

⁵² Там же. Письмо от 11 апреля 1946 г.

⁵³ Там же. Письмо от 31 марта 1947 г.

⁵⁴ Там же. Письмо от 11 июня 1946 г., 31 марта 1947 г.

⁵⁵ Там же. Письмо от 11 июня 1946 г.

тики. Что это будет – не знаю, но радуюсь, как и все, потому что семь лет, как не было свободного слова, если не считать боевого мельгуновского журнальчика. Нечего и говорить, что если выйдет эта самая “Русская мысль”, то “Новостям” в один месяц – каюк придет ...»⁵⁶. Впоследствии она довольно подробно информировала А.Ф. Керенского о газете и своей работе, писала, что газете не хватает денег, что пишет по 350 строк в неделю, что приходится «протаскивать» свои идеи⁵⁷. Интересно одно замечание Н.Н. Берберовой в письме от 19 декабря 1948 г., в котором она написала, что «ради хлеба насущного» шьет по 4 – 5 часов в день, выполняя заказы для магазина. Вероятно, добывать этот «хлеб насущный» ей действительно было не легко, о чем свидетельствуют письма 1946 г., в которых она обращается с просьбами к А. Ф. Керенскому выслать посылку с некоторыми хозяйственными вещами: мыло, одеколон, сандалии; сандалии описываются очень подробно – материал, размер⁵⁸. Удивительно, что А.Ф. Керенский действительно прислал такие сандалии. Подробно описывая поездки в Швецию, куда она была приглашена в связи с изданием романа «Чайковский», Нина Николаевна перечисляла вещи, которые купила для себя, упомянув, что старые вещи раздала по возвращении⁵⁹.

Письма Н.Н. Берберовой, как никого другого из корреспондентов А.Ф. Керенского, полны эмоций, что лишает их подчас последовательности и усиливает резкость тона, эта черта проявилась в оценке русских эмигрантов. Старую «французскую» эмиграцию, о которой Е.Д. Кускова писала, как об «элите» русской эмиграции, Н.Н. Берберова не жаловала: «Вчера был вечер Бориса Зайцева. Боже, какая грусть! Половина бойкотирует. Одна треть слушателей – старше 70-ти лет. Пустыня. Нас осталось так мало ... Но что же в этом дурного? Каждый за себя. И человек – хозяин своего одиночества»⁶⁰. Очень резко высказывалась о С.П. Мельгунове: «Это святой самодур – и больше ничего...»⁶¹, и позже: «Мельгунов действительно невозможен, и чем дальше, тем хуже. Какую дрянь привлекает он к журналу! Прямо стыд! Теперь приглашен туда Георгий Мейер – старый сотрудник “Возрождения”, черносотенец и злоущий господин ...»⁶². Но и о новой, послевоенной волне эмиграции Нина Николаевна ничего положительного не написала: «Приезжие из России “новые” не только не радуют, но приводят в совершенное отчаяние. За все время видела только одного – не антисемита, не “мракобеса”, каким у нас был генерал Краснов в свое время. Часть из них откровенно проклинает Россию, говорит, что ее надо стереть с лица землю всю. Другая часть говорит, что единственное, что есть вечного и святого – это индустриализация. ... Все это двухмерное и лишь совершенно черное»⁶³.

Достаточно жестко охарактеризовала Н.Н. Берберова И.А. Бунина, в письме от 9 сентября 1946 г. она написала, что перестала посещать дом Буниных, поскольку это могло привести «ко встречи в его доме с настоящими патентованными

⁵⁶ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 31 марта 1947 г.

⁵⁷ Там же. Письма от 18 мая 1947 г., 27 марта 1949 г., 19 декабря 1948 г.

⁵⁸ Там же. Письма от 11 июня 1946 г., 17 октября 1946 г.

⁵⁹ Там же. Письма от 19 декабря 1946 г., 27 сентября 1948 г.

⁶⁰ Там же. Письмо от 15 февраля 1947 г.

⁶¹ Там же. Письмо от 29 апреля 1949 г.

⁶² Там же. Письмо от 12 ноября 1949 г.

⁶³ Там же. Письмо от 21 апреля 1948 г.

провокаторами. На почве выпивки маститый лауреат не брезгует никем⁶⁴». О А.М. Ремизове в связи с принятием им советского гражданства Нина Николаевна написала А.Ф. Керенскому: «На следующий день после того, как паспорт ему был выдан, ему сказали, что дочь его умерла год назад. Он очень беден и почти слеп. Страшно сказать, но мне кажется, что он глуп. Не более»⁶⁵. Хотя в июне того же 1946 г. она с восторгом сообщала А.Ф. Керенскому, что А.М. Ремизов будет писать предисловие к ее книге о А. Блоке⁶⁶.

Об исключении из Союза писателей «взявших» советские паспорта, в отличие от Е.Д. Кусковой, Н.Н. Берберова писала с одобрением: «... это совершенно логично, раз союз – эмигрантский. Но за ними потянулись 20 человек ... почему? И кто они такие? Во-первых, выжившие из ума старики, как Бунин, Кнорринг и т.д. Во-вторых, запуганные, как Газданов. В-третьих, сотрудники “Русских Новостей” Что делать: нас все-таки осталось больше ста»⁶⁷. Складывается впечатление, что Н.Н. Берберова резко меняла свое мнение о людях, если их мнения и представления не совпадали с ее собственным мнением. Например, в письме от 11 июня 1946 г. Нина Николаевна радостно сообщала А.Ф. Керенскому о предстоящей поездке в Канны, упоминая В. Злобина: «... где меня ждет Володя Злобин, который снял там дачу и поселился со своим другом»⁶⁸, в 1949 г. она написала: «На днях был у меня Злобин, по-моему, он на пути к сумасшествию; судите сами: у него все архивы Мережковских, дневники, письма.... Он хочет “как можно скорее все это ликвидировать”. Готов продать в Национальную Библиотеку, где все съедят крысы...»⁶⁹. Эту «способность» Н.Н. Берберовой, наверное, следует учитывать и в отношении происходивших событий, политических взглядов и вкусов.

Ставку Н.Н. Берберова делала на «молодых» и агрессивно настроенных против Советского Союза представителей русской эмиграции, в основном переселившихся в Соединённые Штаты. Она очень высоко оценила работы Г.П. Федотова: «Я никогда не читала автора, с которым всегда и во всем согласна, а он – именно такой автор»⁷⁰. Причем Н. Н. Берберова считала, что не может быть единства в эмиграционной среде: «Демаркационная линия во всей своей отчетливости пытается проложиться между двумя сторонами русской эмиграции. Слава Богу! Будет легче дышать. ... Пусть в меньшинстве, но “те, кто достоин”, остаются по одну сторону баррикады, в то время как по другую пьют водку с Симоновым, чистят сапоги Эренбургу, заминают дело Ахматовой и Зощенки»⁷¹.

В письме к А.Ф. Керенскому от 13 декабря 1949 года Н.Н. Берберова изложила свои основные политические, идейные принципы. Во-первых, она считала, что «ведущую роль в мире играют социалисты»⁷², к которым себя и причисляла, правда, без уточнения направления. Во-вторых, считала своей задачей убеждать не «правые» партии в их неправоте, а именно «левых» в необходимости проведения жесткой антибольшевистской борьбы. В- третьих, Н.Н. Берберова полагала, что ра-

⁶⁴ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 9 сентября 1946 г.

⁶⁵ Там же. Письмо от 19 декабря 1946 г.

⁶⁶ Там же. Письмо от 19 декабря 1946 г.

⁶⁷ Там же. Письмо от 15 декабря 1947 г.

⁶⁸ Там же. Письмо от 11 июня 1946 г.

⁶⁹ Там же. Письмо от 18 декабря 1949 г.

⁷⁰ Там же. Письмо от 10 августа 1947 г.

⁷¹ Там же. Письмо от 9 сентября 1946 г.

⁷² Там же. Письмо от 13 декабря 1949 г.

ботать на Россию можно теперь только «косвенно»: «Эта косвенная работа состоит в том, чтобы по мере сил и возможности оградить Европу от коммунизма»⁷³. В четвертых, призвала отказаться от всех союзов и объединений с бывшими «белыми», относящимися к «правому» направлению, как от всего «консервативного, правого, реставрационного, реакционного»⁷⁴. К сожалению, неизвестно что ответил на это А.Ф. Керенский, а мнение С.П. Мельгунова привела сама Нина Николаевна: «Он (Мельгунов. – О.Л.) – неисправим. На письмо ответил иронически, что, мол, моя позиция – плюсквамперфектум, на ней стоял Мартов в 18-ом году!»⁷⁵.

Очень часто в письмах Н.Н. Берберовой звучит тема новой войны, войны западных стран с советской Россией, причем Нина Николаевна приветствует начало новой войны: «Все были против Мюнхена, ибо только война могла свергнуть Гитлера. Думая об этих людях, я прихожу к заключению ... надо этой новой войны желать и в ней участвовать»⁷⁶. И далее: «Одно утешение: что будущая война будет, первая за много десятилетий, необходимая и нужная»⁷⁷.

Возможная война с Советским Союзом очень беспокоила Нину Николаевну: «Война должна быть, и я знаю, что она будет, знаю также, что остаться здесь я не смогу и придется все бросить и бежать»⁷⁸. Или еще одно откровение: «Внутренне готовлю себя к отъезду, т.к. знаю, что будет в ближайшее время война и мне надо будет уехать»⁷⁹. Но уехать было необходимо не только из Франции, но и из Европы. Швеция, например, где ей предлагали визу и работу, не рассматривалась Ниной Николаевной как возможное убежище⁸⁰. Будущую войну она собиралась встретить в Соединенных Штатах, поэтому просила А.Ф. Керенского о содействии в получении приглашения в США⁸¹. При этом предстоящий отъезд явно рассматривался как изгнание: «Какая-то живительная радость в мысли о том, что у меня нет ничего и, собственно, – никого. Что вот я беру два чемодана, прощаюсь со своими книгами Не надо ни устройства, ни постоянства. Подлинное, стопроцентное изгнанничество. Так и должно быть, правда? Пока нет России. А все прочее было и есть мираж»⁸². Правда, иногда в письмах рисовалась и альтернатива новой войне: взбунтуется вся Европа, «поляки, румыны, чехи перережут своих властителей и освободятся, а железный занавес сдвинется с места, уйдет на тысячу километров на восток»⁸³.

Естественно, что характеристики России, её роли и будущего были весьма негативными в письмах Н.Н. Берберовой. В одном из писем она написала очень ярко о чувствах, которые вызывала у неё бывшая родина: «Россия приблизилась в своем зверином, страшном, нищем и гнусном аспекте»⁸⁴. Советская Россия рассматривалась как территория, которую нужно уничтожить или очистить от коммунизма силой, поскольку в самой России не было и не могло быть собственной, внут-

⁷³ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 13 декабря 1949 г.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Письмо от 18 декабря 1949 г.

⁷⁶ Там же. Письмо от 27 апреля 1947 г.

⁷⁷ Там же. Письмо от 6 ноября 1947 г.

⁷⁸ Там же. Письмо от 2 октября 1947 г.

⁷⁹ Там же. Письмо от 9 сентября 1946 г.

⁸⁰ Там же. Письмо от 2 октября 1947 г.

⁸¹ Там же. Письмо от 9 сентября 1946 г.

⁸² Там же. Письмо от 24 апреля 1948 г.

⁸³ Там же. Письмо от 6 ноября 1947 г.

⁸⁴ Там же. Письмо от 18 мая 1947 г.

ренной силы, способной привести Россию к самоочищению. Такой силой, по мнению Нины Николаевны, не мог быть народ: «В Вашем последнем письме Вы мне писали о русском народе, и эта формула мне показалась тогда несколько странной в применении к массе русского населения. Вы писали, что “русский народ – одно, а советская власть – другое”. Знаю, что это Ваше давнишнее “демократическое” разделение. Но после последней войны оно мне, простите, кажется несколько устаревшим. ... Нет, Александр Федорович, как ни страшно это сказать, но для меня сейчас “русский народ” это – та масса, которая через 10 лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 лет – столько-то для борьбы с Европой и Америкой. Что он будет отстаивать? Что такое “его достояние”? Территория? Религия? История? (цепь безумств, жестокостей и мерзостей)»⁸⁵.

Но подходила на роль подобной силы, по мнению Н.Н. Берберовой, и советская интеллигенция: «Что касается русской элиты, то (кроме 20 – 30 человек в эмиграции), по-моему, в России её нет. ... Когда я говорю “нет элиты”, это не значит, что нет интеллигенции, она, конечно, есть. Под элитой я подразумеваю ту часть творческой интеллигенции, которая дает миру что-то новое в умственно-духовном смысле и свободна от всякой (душевно-духовной) рутины и косности. То есть восприимчива и созидающа. Поскольку в России нет этой группы людей, на кого там рассчитывать?»⁸⁶. Православная церковь также не рассматривалась Н.Н. Берберовой как возможная объединяющая и восстанавливающая сила: «Что до православия, то боюсь, что в него, при благополучном исходе, русский народ опять влезет как в разношенный башмак, опять отойдет на два века назад и замрет в своих просторах, бездорожных и ледяных ...»⁸⁷.

При таком восприятии действительности, естественно, единственной силой, способной победить коммунизм, оставалась военная сила западных держав, о чем собственно и писала Н. Н. Берберова, понимая, что А.Ф. Керенский не мог разделять её мнение. Она сама подтвердила это в письме от 10 августа 1947 г.: «Да, “левая” эмиграция отеклась от традиции всех исторических эмиграций. Пора уже ей опомниться и признать, что “только военное поражение может освободить Россию”. Но молчу, молчу Не хочу Вас сердить»⁸⁸. И всё же ей, вероятно, не раз приходилось «сердить» Александра Федоровича, в одном из писем она упрекала его в колкости замечаний, сделанных в ответном письме: «Вчера получила Ваше такое резкое, почти сердитое письмо. Какие-то шпильки по моему адресу»⁸⁹. И все же переписка с А.Ф. Керенским продолжалась долгие годы, что позволяет теперь, по прошествии многих лет, воспроизвести атмосферу того далекого от нас времени более ярко и живо, в чем несомненная заслуга Н.Н. Берберовой.

Сохранились в фонде А.Ф. Керенского письма еще одной его корреспондентки – Елены Александровны Извольской⁹⁰. Сохранились в достаточно большом количестве – 170 писем за 1939–1967 гг., поскольку Е.А. Извольская эмигрировала в 1940 г. в Соединённые Штаты, и получить её корреспонденцию А.Ф. Керенский мог намного проще, чем письма из Европы.

⁸⁵ HRHRC. Alexander Kerensky's Papers. Box 27. File 106. Письмо от 27 февраля 1947 г.

⁸⁶ Там же. Письмо от 27 апреля 1947 г.

⁸⁷ Там же. Письмо от 21 апреля 1948 г.

⁸⁸ Там же. Письмо от 10 августа 1947 г.

⁸⁹ Там же. Письмо от 27 апреля 1947 г.

⁹⁰ Журналистка, писательница, биограф Михаила Бакунина. Дочь министра иностранных дел России Александра Извольского (1906–1910 гг.).

Письма Е.А. Извольской отличаются и от писем Е.Д. Кусковой, и от писем Н.Н. Берберовой, отношением к происходящему. Елена Александровна пыталась в каждом человеке, в каждом факте, в каждом событии подчеркнуть светлую суть, в её письмах нет ни злости, ни сарказма, ни осуждения, есть любопытство, желание помочь, понять. В письмах Е.А. Извольской намного меньше рассуждений на политические темы, чем у Е.Д. Кусковой и Н.Н. Берберовой; возможно, как писательницу её более интересовала духовная жизнь.

В одном из писем Елена Александровна писала А.Ф. Керенскому: «Мне кажется, что Вы могли бы очень много сделать, чтобы организовать тут русский культурно–духовный центр, где бывали бы ни одни старушки»⁹¹. Она много писала о своей работе, в частности о создании антологии русских классиков на английском языке, об американцах, с которыми общалась, о русских эмигрантах, с которыми встречалась. В письме от 6 декабря 1946 г. Елена Александровна писала, что работает над переводом работы Преподобного Нила Сорского с древнеславянского: «... перевожу его для католиков»⁹², а 17 декабря того же 1946 г. она вновь упоминает «Поучение Преподобного Нила Сорского» и огромное влияние этой работы на неё.

Неоднократно обращается Е.А. Извольская в своих письмах и к издаваемому ею сборнику рассказов, новелл и стихов русских авторов, проживавших в США, – «Третий час»: о переводе сборника на французский язык, а главное, о желании напечатать русский номер, напечатать его в Париже: «Это остаётся нашим главным заданием»⁹³. Причина такого активного действия обусловлена была тем, что, по мнению Елены Александровны, «борьба за жизнь во Франции» во многом привела к «упадку духа», но дело надо продолжать, несмотря на материальные лишения⁹⁴. А о тяжелом материальном положении русских эмигрантов в Европе, особенно во Франции, она знала от своих друзей, оставшихся там: «Бердяев просил меня о каше и рисе; и все в этом роде, кто бы не писал, кто бы не просил. ... У всех настроение тяжелое, печальное, нужно быть очень молодым, чтобы усвоиться в этом послевоенном мире, и им легче морально, но не материально»⁹⁵.

Весьма интересны её воспоминания о встречах с Алексием I и А. Деникиным, обе встречи описаны в одном письме, датированном 17 декабря 1946 г., в нём изложено частное мнение Е.А. Извольской, но детали, мелкие штрихи позволяют составить портреты этих людей. О приезде в США А.И. Деникина Елена Александровна сделала несколько замечаний, в частности следующее: «Он произвёл впечатление человека музейного. Он привёз много материалов о встречах с людьми “оттуда», но весь этот материал собран с целью порицания. Конечно, он и патриот, и честный человек, но боюсь, что при нашем безрыбье этот рак превратится в осетра!»⁹⁶. От встречи с Алексием I впечатление осталось несколько иное: «Вторая встреча более интересная, с Алексием. Разговаривали 30 минут; человек он властный, крепкий, суровый, без улыбки. О моей церкви⁹⁷, принадлежность мою к которой он знает, он сказал так: догматически – разницы мало, очень все близко,

⁹¹ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Box 29. File 111. Письмо от 22 ноября 1946 г.

⁹² Там же. Письмо от 6 декабря 1946 г.

⁹³ Там же. Письмо от 17 июня 1946 г.

⁹⁴ Там же. Письмо от 17 июня 1946 г.

⁹⁵ Там же. Письмо не датировано.

⁹⁶ Там же. Письмо от 17 декабря 1946 г.

⁹⁷ Принадлежала к римской католической церкви.

почти совсем, только климат, воздух другой. Он говорит об этом с холодным интересом. А я чувствовала разницу климата не церковного, – а, скорее всего, уклада, психики и даже быта, которое несут эти люди. О философии, гуманизме, социальном христианстве, о благостном воздухе Маритэна, об экуменизме, они еще и подумать не успели. ... Но церковь вынесли на своих плечах. У меня чувство, что такая встреча настолько важная...»⁹⁸.

Писала Е.А. Извольская и о России, не могла не писать: «В Россию верить труднее, чем было во время войны, и все же верить можно и нужно, именно потому что трудно. В ней есть тайна и мощь, и это наше, кровное, это нам дано было при рождении. С этим и будем работать ...»⁹⁹. Неоднократно высказывала опасение о том, что американское общественное мнение искусственно возбуждается против России, считала, что «все эти рассказы очевидцев» о положении в России, причем и положительные, и отрицательные, «до того мало убедительны, что кажется наивным их слушать»¹⁰⁰.

И хотя в письме от 1 февраля 1946 г. Елена Александровна написала А.Ф. Керенскому: «Россия тёмным своим ликом повернулась к Западу...»¹⁰¹, она решительно не поддерживала идею «крестового похода» против коммунизма, писала о том, что мир изменился и теперь надо мыслить другими категориями и масштабами, считала, что оценки, которые давались России не отражают сути происходящего: «Все, все в России не подлежит академическим отделениям овец от козлов. Все смешано, все срослось, все с кровью смешано. К этим проблемам может подойти только святой, взявший на себя крест России и крест, и грехи мира»¹⁰². Конечно же, Е.А. Извольская не разделяла взглядов тех, кто призывал к новой войне, причем даже ядерной войне. В 1944 г. она написала о редакции «Нового Русского Слова»: «... воздух редакции отравлен ненавистью, непощением, гордыней – место в журнале дается плакальщикам и погребальщикам»¹⁰³, а в 1946 г. продолжала: «Федотов очень слаб ...»¹⁰⁴. Во многих письмах Елена Александровна, как и Е.Д. Кускова, ссылаясь на Н.А. Бердяева, в частности упоминала его мнение о невозможности принятия Россией «спасения» от иностранцев, поэтому писала, что «нужен духовный взрыв внутри и нужен динамический, героический христианский подвиг»¹⁰⁵, чтобы это спасение осуществилось. Как и многие русские эмигранты, Е.А. Извольская испытывала, по всей видимости, сложные чувства к новой, советской России: в чем-то восхищаясь ею, в чем-то решительно не принимала, но никогда не воспринимала страну и ее народ как военную цель для других государств, как мишень для атомной бомбы.

Три разных корреспондента во многом по-разному оценивали события и факты; перед современным исследователем открывается буквально калейдоскоп мнений, откровений и даже политических пророчеств. Именно это и ценно для исследований: изучить и сравнить разные точки зрения, а главное, услышать «живой» голос современников тех исторических событий. Вряд ли где-нибудь еще, кроме

⁹⁸ HRHRC. Alexander Kerensky's papers. Box 29. File 111. Письмо от 17 декабря 1946 г.

⁹⁹ Там же. Письмо от 1 февраля 1946 г.

¹⁰⁰ Там же. Письмо от 30 декабря 1946 г.

¹⁰¹ Там же. Письмо от 1 февраля 1946 г.

¹⁰² Там же. Письмо от 2 августа 1944 г.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. Письмо от 30 декабря 1946 г.

¹⁰⁵ Там же. Письмо от 1 февраля 1946 г.

частных писем и дневников, так живо, ярко, эмоционально, возможно безрассудно могут быть описаны события и факты. Частные письма – это документы, которые не подлежат редактированию в будущем, что повышает их ценность как источника знаний о прошлом. Все три корреспондента А.Ф. Керенского достойны того, чтобы их письма были опубликованы, но, к сожалению, сегодня есть возможность напечатать только выдержки из них. Может быть, эта публикация поможет в дальнейшем продолжить исследования в данной области: Коллекции Центра гуманитарных исследований открыты для изучения, более того, ежегодно Центр выделяет несколько грантов американским и иностранным исследователям, желающим приехать для работы с документами.

Литература:

Быкова Л.А. Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2001. № 3.

Леонтьева О.Г. Письма русских эмигрантов А.Ф. Керенскому в Центре гуманитарных исследований Техасского университета // Отечественные архивы. 2009. № 1.

O.G. Leont'eva

**THE OPINIONS OF RUSSIAN EMIGRANTS ABOUT THE EVENTS IN 1945-1949
IN EUROPE AND RUSSIA: FROM THE LETTERS BY NINA BERBEROVA,
EKATERINA KUSKOVA AND HELEN IZWOLSKY**

Summary

The article is a result of studies of Kerensky's correspondence in the Harry Ransom Humanity Research Center of the Texas State University at Austin (the United States). The Alexander Kerensky papers were acquired by the Harry Ransom Center in 1968. The group of documents contains 258 files from 1917 to 1969. It contains the letters of many famous Russian writers, poets and politicians, such as Vasilij Maklakov, Sergey Melgounov, Nina Berberova, Ekaterina Kuskova, Nikolay Vakar, Helen Izwolsky, and ect.

The article based on the letters of Nina Berberova, Ekaterina Kuskova and Helen Izwolsky. These letters of Russian emigrants contain analyses of the political situation in the USSR (Russia), the United States, and Europe from 1945 to 1949. Russian emigrants discussed many different problems: attempts to influence the Soviet Government in developing relationships with Europe and the United States, the results of World War II, the situation in European countries (for example, in France), etc. These records reflect the opinion of ordinary people who fought with the enemy or worked in the rear. Their experiences and stories bring history to life, and give us the new information about famous events. Sometimes such knowledge can influence on the opinion of researchers and change official versions of historical events.

Keywords: Kerensky's correspondence, letters of Russian emigrants, the history of World War II, Russian emigrants, Russian emigrant organizations in Europe and the United States
